

Испытующее «поле»

Валентина Елизарьева ждало место балетмейстера в ведущем театре Софии. И вдруг — Минск, где балетная труппа находилась в творческом застое, где на спектаклях зал «сиял» пустыми креслами, где при слове «балет» морщились покупатели у билетных касс...

В балете — как и в музыке — все начинается рано. Пальцы ног приучаются к неестественному положению, мышцы привыкают к постоянным нагрузкам. Рано приходит осознание единственности своей судьбы. Слава тоже приходит рано... или не приходит никогда. И на пенсию в этой сфере уходят очень рано. Но зато «звездный час» артиста балета головокругителен. Сейчас много говорят о том, что настоящими звездами современного театра являются не актеры, а режиссеры. В балете, где инерция гораздо сильнее, по-прежнему зрителям лучше известны имена танцовщиков, чем хореографов.

Что касается минских поклонников балета, то они прежде всего ищут на афишах имя Валентина Елизарьева — главного балетмейстера Белорусского государственного академического театра оперы и балета. Так повелось с той его самой первой на минской сцене постановки — балета «Кармен-сюита» Бизе-Щедрина. Прошло четырнадцать лет, и все эти годы мы соотнесим с этим именем все самое яркое и новаторское на современной балетной сцене.

В двадцать шесть лет выпускник Ленинградской консерватории — главный балетмейстер академического театра. В тридцать восемь — народный артист СССР, лауреат международных конкурсов. Недавно ему исполнилось 40 лет. Половина из них отдана балету. Еще студентом он ставил хореографические миниатюры десятками, и они идут до сих

пор в разных балетных коллективах. И поэтому стремительный его взлет следует приписывать не счастливой форту, а редкой целеустремленности — черте, пожалуй, главной в его характере. Скорее, фортуна благоприятствовала не очень. В самом деле, травму, которую он получил накануне выпуска из знаменитого хореографического училища имени Вагановой — Елизарьев готовился к профессии характерного танцовщика, — вряд ли можно отнести к разряду счастливых случайностей. Но... не из-за нее ли он обратился к хореографической режиссуре? А «сюрприз» во время распределения? Ведь Валентина Елизарьева ждало место балетмейстера в ведущем театре Софии. И — вдруг Минск, где балетная труппа хронически находилась в творческом застое, где на спектаклях зал «сиял» пустыми креслами, где при слове «балет» морщились покупатели у билетных касс. Незнакомый город, где его никто не ждал с распростертыми объятиями...

Труппа, повидавшая многих постановщиков, встретила его настороженно: у «юнца» были замашки реформатора. Потянулись за ним только самые молодые, которым, как говорится, терять было нечего. Вместе с Елизарьевым они стали ведущими артистами, были удостоены высоких званий, а главное, узнали вкус настоящей творческой радости и настоящего успеха. Да, Елизарьев рисковал. Даже первая удача была ре-

зультатом творческого риска — сразу развела его единомышленников и противников по полюсам. В напряжении этого испытующего «поля» он находится многие годы. Это стало для него привычным — так высотники привыкают к работе на высоте.

«Кармен-сюита» была разведкой боем. Первое, второе представление — и известно, что в белорусском балете «что-то происходит», стало распространяться со скоростью горной лавины. У билетной кассы театра зазвучало непривычное слово «аншлаг».

Елизарьев принадлежит к тому новому поколению советских хореографов, чья концепция театра отличается гораздо большей широтой и смелостью, чем у их предшественников, ревниво оберегавших прекрасные традиции русской балетной школы. Но ведь школа жива, когда ищет, обновляется. Это Елизарьев и доказывает каждой новой работой. Его «Щелкунчик» соединяет в себе чистоту традиции и современный язык танца. Таксе ощущение, как будто в старинный интерьер внесли свежие весенние цветы, открыли окна, впуская потоки яркого света... А «Спартак» Хачатуряна зазвучал у Елизарьева как мощный гимн человеческой воле, личности, осознающей себя как личность. Уже бывшие в репертуаре раньше «Жизель» и «Лебединое озеро» он обновил, придал им первоначальный блеск.

Ныне белорусский балет постоянно гастролирует за рубежом, где видят в нем предста-

вителя большого советского балета — хранителя хореографической классики и «законодателя мод» на мировом балетном небосклоне. В репертуаре гастрольной афиши всегда есть Чайковский и рядом — новаторы двадцатого века — Стравинский, Прокофьев, Щедрин.

Елизарьев считает, что языком балета может быть выражена любая, даже самая сложная проблема современности. Репертуар не должен быть музейным, не должен ограничиваться национальными рамками. Спектакли обязаны нести не только чисто эстетическое наслаждение. Они призваны доставлять радость эмоционального, духовного переживания, подводить к своего рода эстетическому катарсису, очищению. И это в полной мере происходит в «Кармине Буране» К. Орфа и «Весне священной» И. Стравинского — последних и самых зрелых, мощных по смелости и всеохватности средств выразительности постановках Елизарьева на минской сцене. Ощущение такое, будто на протяжении всего спектакля находишься в эпицентре какого-то музыкально-пластического взрыва, в вихре музыки и света — таков уровень напряженности этой хореографии. Не случайно многие его спектакли и по времени «плотные», сжатые — вмещающиеся в один акт. То, что когда-то казалось чрезмерным, физически невозможным, стало теперь нормой для танцовщиков Большого театра республики. Выросла целая плеяда молодых артистов

«елизарьевской» линии, способных делать все — Н. Дадишкилиани, И. Душкевич, Т. Шеметовец, Н. Филиппова, А. Курков, Ю. Раукуть. Можно сказать, что сегодня белорусский балет является воплощением замыслов его руководителя. Но это воплощение — не итог. Елизарьев ищет. Сегодня он так же далек от успокоенности, как и четырнадцать лет назад.

Когда видишь его дома, среди книг, в кругу друзей, трудно поверить, что Елизарьев бывает упрям и требователен в репетиционной. На репетициях как-то особенно заметен его крутой лоб, твердый рисунок бровей. Кажется, он может саму материю музыки вывернуть в немыслимом балетном па. И тогда понимаешь, как у него, такого современного человека, небрежно ведущего автомобиль и слушающего с удовольствием рок-оперы, могли родиться напоенные «дикой прелестью» образы Кармен, Избранницы из «Весны священной» или ренессансные фигуры из «Кармины Бураны». Они живут и звучат в нем, как сквозь урбанистические безумства человечества прорывается голос природы, напоминающий нам о вечном, о главном, о... нас самих, как дитя Земли.

Т. ТЮРИНА.

НА СНИМКАХ: В. ЕЛИЗАРЬЕВ; на репетиции с солистой Большого театра Союза ССР Н. АНАНИАШВИЛИ; мгновение из спектакля «Болеро», на сцене — солисты ГАБТ БССР Т. ШЕМЕТОВЕЦ и В. ИВАНОВ. Фото В. Драчева.

1 * ДЕК 1987

СОСТАВЛЯЮТ БЕЛОРУСКИЕ